

Интонационное выражение когнитивных значений // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. Сборник в честь Е.С. Кубряковой. Москва, 2009. С. 703-713.

Т.Е. Янко

Интонационное выражение когнитивных состояний

Е.С. Кубрякова, говоря об основных когнитивных способностях человека, пишет: «...Главными задачами... когнитивной системы человека... являются задачи по получению, обработке, хранению и извлечению информации и... такие когнитивные способности, как восприятие, внимание, мышление, воображение, память... участвуют в решении указанных задач.» (Кубрякова 2004: 355). В данной работе мы обратимся к отображению когнитивных значений средствами русской интонации. Многие авторы отмечают, что выделение основных типов речевых актов, таких как сообщение и вопрос, и соответствующих интонационных контуров имеет когнитивные основания (Givón 1984, Sadock and Zwicky 1985, Lakoff 1987, Grønnum 1992). Ниже будут рассмотрены специальные типы речевых актов сообщения и вопроса, в которых отражаются извлечение информации из памяти, логический вывод и работа воображения, причем единственным средством выражения соответствующих значений служит интонация. В разделе (1) рассматривается русская интонация, имитирующая ментальное усилие говорящего, погруженного в воспоминания, недоумевающего, мечтающего о том, что будет завтра. Раздел (2) посвящен выражению интонационными средствами значения обоснования: говорящий резонирует, объясняет причины того, о чем говорилось ранее, или того, что мы наблюдаем вокруг. В разделе (3) обсуждается линейно-интонационная стратегия воссоздания мыслительного образа действительности.

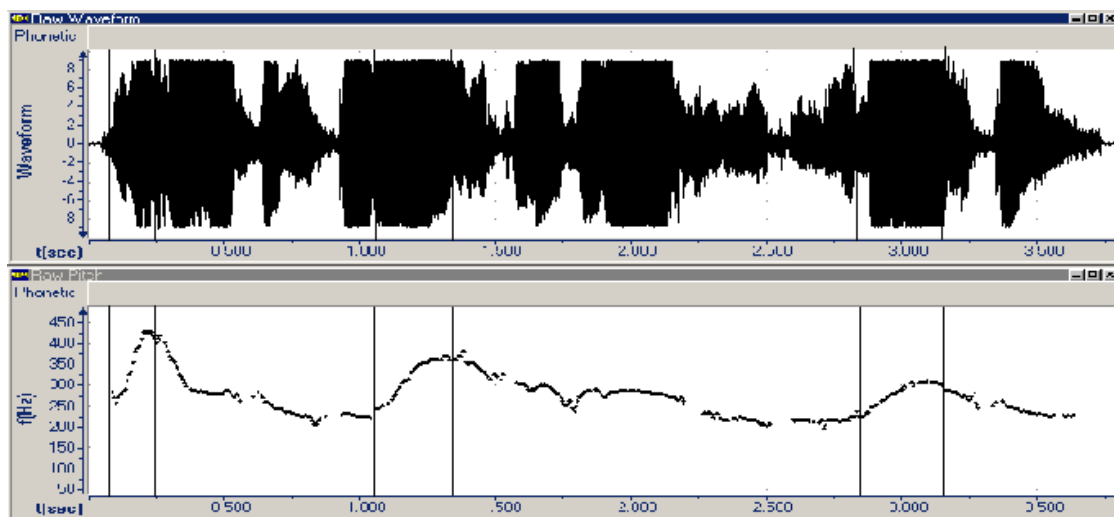
1. Интонация ментальной деятельности

Данный раздел посвящен широко распространенному в русской речи интонационному контуру, который мы называем интонацией ментальной деятельности, т.к. этот интонационный тип направлен на отражение средствами интонации разного рода информационных и мыслительных процессов. Это припоминание (*Там тогда еще знакомые собрались; Мы заехали на поля-янку, погуля-яли там*); недоумение (*Куда-то мои*

очки-и запропастились); погружение в мечты (*А я колба-аски купила*); передача чужой речи (*Тетя сказала: надо чего-то там уко-олы делать*).

Соответствующий акцент характеризуется подъемом тона и существенным удлинением ударного слога слова-акцентоносителя. Вся заударная область ровная (иногда с небольшим естественным падением, как в примере (1)), высокая и растянутая. Предударная зона ровная и низкая. Растянутая артикуляция в таком случае моделирует мыслительный процесс, на реализацию которого требуется известное время. Интонация демонстрирует ментальное усилие говорящего: возводя взор к небу, говорящий «шевелит мозгами». В классификации Е.А. Брызгуновой данная конструкция понимается как ИК-6 (Брызгунова 1982: 97-101). В примере (1) и ниже растянутый вариант ИК-6 обозначается знаком ↗ после словооремы-акцентоносителя плюс удвоение гласного ударного слога, которое говорит об увеличении длительности ударного и заударного слогов¹:

(1) Мы ↗ заехали на поля-янку ↗ на березовую, погуля-яли ↗ там.²

Мы заехали на по ля-я нку на березовую, по гу ля-я ли там.

¹ Е.А. Брызгунова не выделяет растянутого варианта ИК-6 в отдельный тип. О растяжении ИК-6 говорится в работе Г. А. Бариновой (1973).

² При анализе интонации мы прибегаем к показаниям приборов, которые получены с помощью компьютерной системы анализа устной речи Speech Analyzer. Показания приборов имеют вид графиков. Верхний график – осциллограмма – изображает преобразованный в машинную форму след, который оставляет на материале (например, на бумаге) игла, возбужденная звуковыми волнами. Этот рисунок отражает структуру слога и паузацию. Под осциллограммой расположена тонограмма – кривая изменения частоты звука в герцах. По нему мы следим за движением тона в рассматриваемых предложениях. С известной долей условности тонограмму и осциллограмму мы объединяем под общим названием тонограммы. Поясним также, что курсор – это вертикальная черта, пересекающая график. Для выделения обсуждаемых участков кривых используются пары курсоров, которые ограничивают участки кривой слева и справа.

Тоннограмма показывает, что на словоформах *полянку* и *погуляли* фиксируется пологий, т.е. совершающийся в длительных временных интервалах, подъем с последующим ровным или слегка нисходящим тоном, который не падает до базового уровня. Этот подъем существенно отличается от подъема на словоформе *мы*, маркирующего тему. На *мы* фиксируется крутой подъем с падением до базового уровня на последующем слоге *за-* в словоформе *заехали*, а на словоформах *полянку* и *погуляли* наблюдается более пологий подъем плюс ровный или слабо понижающийся тон на заударных. Можно заключить, что на *мы* фиксируется подъем тона типа ИК-3, по Брызгуновой (1982: 97-101), а на словоформах *полянку* и *погуляли* – ИК-6. Для обозначения ИК-3 мы используем стрелку вверх, которая располагается после словоформы-акцентоносителя (знак ↗). Легкое падение на заударных, которое мы наблюдаем в словоформах *полянку* и *погуляли*, можно объяснить физиологией произнесения предложения на выдохе. При известном усилии этого падения может и не быть. Ударный слог у словоформ *полянку* и *погуляли* имеет существенно более длительное время звучания, чем, скажем, у словоформы *мы*. Слог *мы* длится 0,154 сек, а слог *ля* в *погуляли* – 0,344 сек. Данная стратегия очень частотна в русской речи.

В предложениях данного типа могут быть (или не быть) темы, как тема *мы* в примере (1). Что касается ремы, то здесь перед нами тип ремы, которая маркируется восходящим тоном в условиях существенного растяжения ударной и заударной зоны акцентоносителя³. Выбор акцентоносителя – в сложносочиненном предложении (1) это словоформы *полянку* и *погуляли* – происходит в соответствии с правилами выбора акцентоносителя рем (Янко 1991; Янко 2001: 190). Данная интонационная стратегия применима не только к повествовательным предложениям, но и к вопросам, которые в контексте подобной интонации становятся вопросами-недоумениями. Носителем акцента в таком вопросе служит вопросительное слово, ср. минимальную пару (2)-(3):

(2) *Куда-то мои очки-и ↗ запропалились;*

(3) *Куда-а ↗ мои очки запропалились?*

С точки зрения лексико-синтаксической структуры различие между (2) и (3) только в частице *-то*, присутствующей в повествовательном предложении. Но переход от повествовательного предложения к вопросу, практически с тем же значением, немедленно меняет акцентоноситель. Им становится вопросительное слово. Что касается косвенных вопросов, они могут следовать обеим моделям выбора акцентоносителя: если глагол

³ Поясним здесь, что для ремы, как известно, характерно понижение тона.

пропозициональной установки служит в предложении вершиной, акцентоноситель в придаточном выбирается по правилам для повествовательных предложений:

(4) *Не знаю, куда мои очки-и ↗ запропалились.*

Если же глагол рассматривается как вводное слово, акцентоносителем становится вопросительное слово:

(5) *Куда-а ↗ мои очки запропалились, не знаю.*

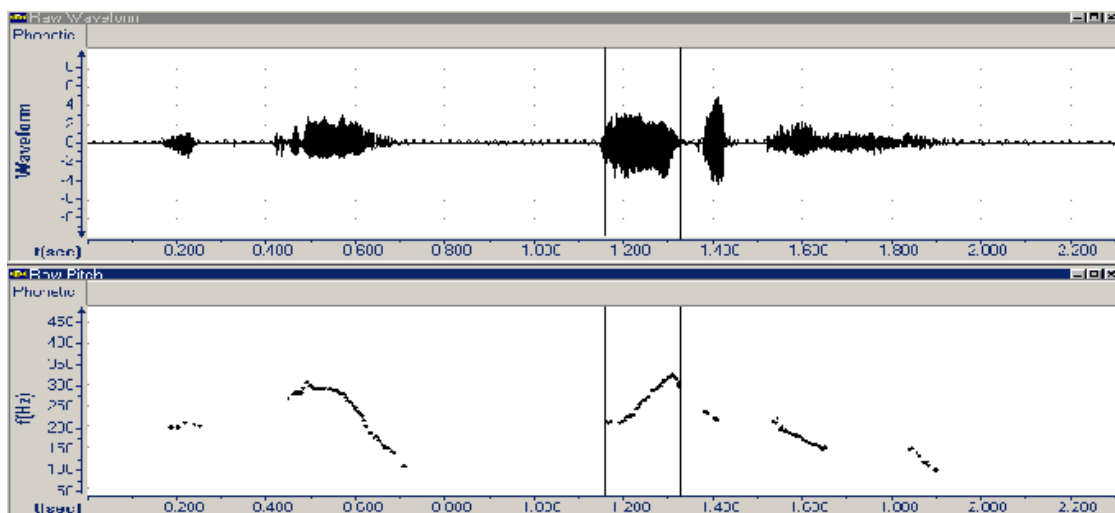
Интонационный контур с подъемом на ударном слоге акцентоносителя и высоким ровным тоном на заударных, имитирующий ментальную деятельность, встречается и в европейских языках. Исследование пяти языков – английского, французского, немецкого, польского и датского – показало, что интонационная стратегия, подобная русской, весьма характерна для всех языков, кроме английского, в котором она, однако, тоже встречается, но достаточно редко и не отличается той растянутостью, которая имитирует продолжающийся во времени мыслительный процесс.

2. Интонация обоснования

Предложения о причине (thetic, или предложения с неингерентной темой) впервые были исследованы на материале английского языка В. Матезиусом. Об этих предложениях на английском и русском материале существует большая литература, см. например: Sasse 1987, 1995; Lambrecht 1994: 13-25; Николаева 1981; 1982: 67; 1996: 53; Баранов, Кобозева 1983; Янко 1991; 2001: 182-197. В предложениях о причине средствами интонационной структуры выражается связь текущего предложения с предтекстом, обоснованием которого они служат: <Тише.> **Бабушка** ⊗ спит ('Не надо шуметь, потому что спит бабушка'); <– Бабушка расстроена.> Иванов **руку** ⊗ сломал ('Бабушка расстроена, потому что Иванов сломал руку'); <Открой.> **Папа** ⊗ пришел ('Нужно открыть дверь, потому что пришел папа'). Акцентоноситель в предложениях о причине обозначается двойной стрелкой (⊗)⁴. Особым свойством таких предложений служит то, что, по нашим данным, они встречаются не во всех языках. Обратимся к русскому примеру.

⁴ Проблемы идентификации акцента, на котором базируется данный интонационный тип предложений, и его отличия от ИК-3 обсуждаются в работе Янко 2004.

(6) <Открой.> Папа пришел.

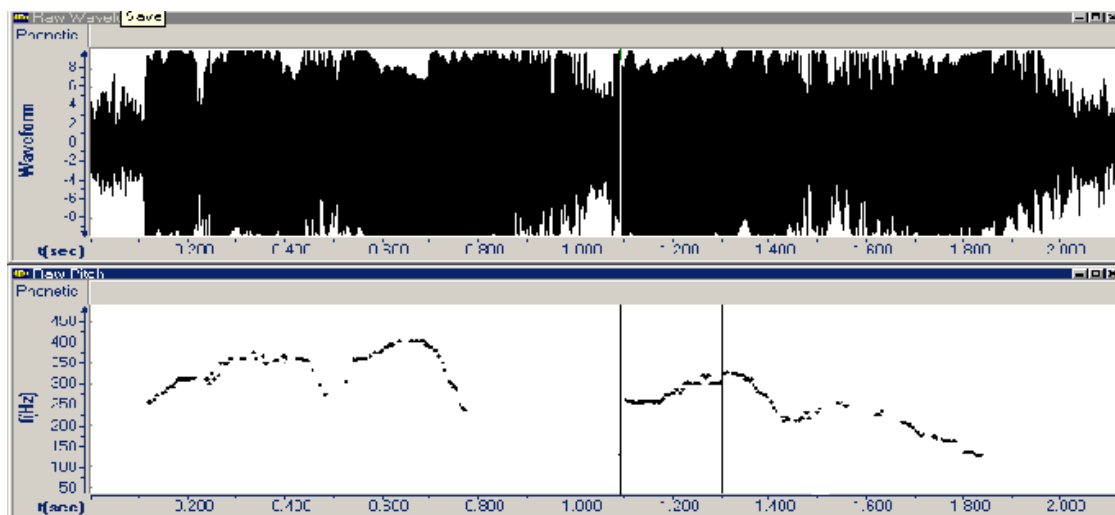
<О т к р о й.> П а п а п р и ш е л.

Тонограмма демонстрирует подъем плюс небольшое падение на ударном *па-* в словоформе *папа* (ударный слог на тонограмме выделен курсорами), за которым следует падение на заударном *-па*, продолжающееся на последующей атонированной словоформе *пришел*. Таким образом, контекстом для подъема на ударном слоге акцентоносителя здесь служит произнесение последующих слогов в нижнем регистре голоса говорящего.

Аналогично, английский эквивалент русского предложения (6) демонстрирует подъем на ударном слоге, а заударные слоги отмечены явной редукцией. Пример прочитан носительницей американского варианта английского языка. Курсорами выделена словоформа *dad* 'папа'.

(7) <Open the door.> Dad has come.

‘Открой дверь. Папа пришел.’

<Open the door.> Dad has come.

Немецкие информанты также были единодушны при артикуляции немецких предложений-эквивалентов русского предложения (6), произнося их с акцентным пиком на акцентоносителе типа *nana* и редукцией на заударной части типа русского *пришел*. Между тем в датском и во французском подобного параллелизма не наблюдается. При эксперименте, в ходе которого датским и французским информантам предлагались эквиваленты русского примера (6) и других подобных, информанты интонировали соответствующие примеры аналогично контекстно независимым нерасчлененным предложениям типа русского *Пришла весна*. Следует заключить, что в датском и во французском интонация обоснования, аналогичная русской и английской, отсутствует, а соответствующие смыслы выражаются в этих языках другими средствами.

3. Интонация создания умозрительного образа действительности

Обратимся к особой линейно-интонационной стратегии, которая широко используется в русской речи в рассказах о том, что было, или в мечтах о том, что будет:

(8) Служил ↗ на Кавказе один барин;

(9) Поеду ↗ я завтра на дачу;

(10) Посадил ↗ дед репку;

(11) Возвращается ↗ Петька из разведки.

Предложение строится таким образом, что фрагменты, которые отвечают известной информации – *на Кавказе* в примере (8) или *я завтра* в (9) – находятся на заднем плане после глагола. В примерах эти компоненты помечены разрядкой. Заметить, что компоненты типа *на Кавказе* отведены с начальной позиции, можно, если сравнить примеры (8)-(11) с предложениями (8а)-(11а), у которых тот же лексико-синтаксический состав, но другой порядок слов:

(8а) На Кавказе служил один барин;

(9а) Я завтра поеду на дачу;

(10а) Дед посадил репку;

(11а) Петька возвращается из разведки.

В (8a)-(11a) компоненты предложений *на Кавказе, я завтра, дед и Петька* помещены в начало предложения, т.е. они открывают речевой акт в качестве тем, а в предложениях (8)-(11) говорящий отказывается от помещения таких компонентов в начале и располагает их после глагола. В (8)-(11) начало предложения «оголяется»: ни участники ситуации, ни известные время или место не служат точкой отсчета для представления ситуации в целом. Говорящий не испытывает эмпатии ни к одному из своих героев, потому что его интересы на стороне события в целом. Обычный порядок следования коммуникативных компонентов нарушается: в них рема оказывается расщепленной на две части. Так например, в предложении (11a) *Возвращается Петька из разведки* рема *возвращается из разведки* разделена на два фрагмента – начальный *возвращается*, и конечный – *из разведки*. А тема *Петька* помещается в образовавшуюся при разрыве ремы нишу и тем самым уходит на задний план. И.И. Ковтунова называет такую коммуникативную структуру дислокацией ремы (Ковтунова 1976: 121). Дислокация ремы – это способ подавить тему: тема здесь помещается в наименее выгодную коммуникативную позицию – между началом и концом предложения в позицию Ваккернагеля. Семантический эффект подавления темы – создание впечатления умозрительного наблюдения. Поскольку в предложениях нет полноценной темы, ни один из героев события, ни известные время и место не могут служить точкой отсчета при описании кадра. В результате возникает эффект погружения слушающего непосредственно в гущу событий. Говорящий как бы рисует некоторую картину перед мысленным взором собеседника. Создается впечатление, что событие, которое в действительности имеет место вне восприятия слушающего, происходит как будто у него перед глазами. Парадоксально, но при репортаже о текущих событиях, которые действительно происходят на глазах у коммуникантов, предложения типа (8)-(11) невозможны. Так, предложение (12) несовместимо с речью спортивного комментатора в момент матча.

(12) <Внимание на экран.> *Вышел↗ на площадку нападающий Пашутин.

Строить предложение с таким порядком слов, как в примерах (8)-(11), можно было бы только в том случае, если бы действие происходило вчера и говорящий вспоминал бы о том, как это было:

(13) Вышел↗ вчера на площадку нападающий Пашутин, забил трехочковый и быстро вывел команду из тупика.

В режиме же реального времени используется порядок слов с темой *на площадку* в инициали предложения:

(12a) <Внимание на экран.> *На площадку вышел нападающий Пашутин.*

Кроме запрета на использование в жанре репортажа, рассматриваемая коммуникативная стратегия имеет и другие запреты. Так, в контексте данной стратегии не могут использоваться глаголы со значением свойств:

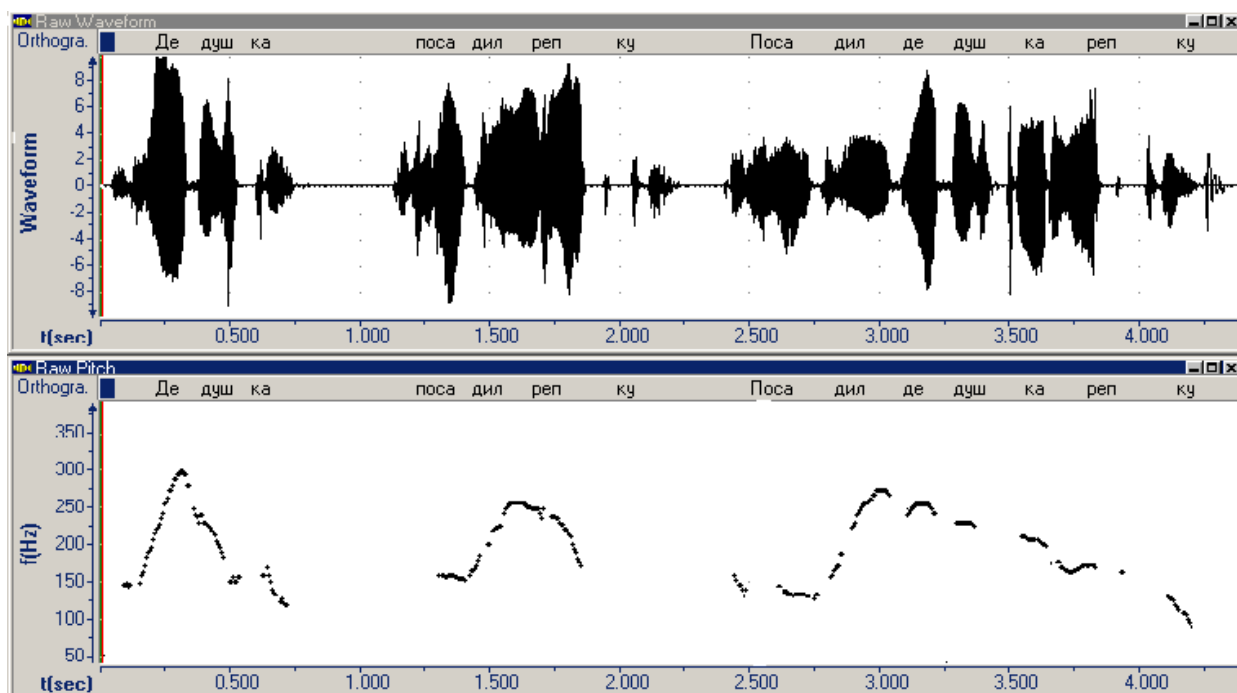
(14) **Растворяется* → *в воде сахар*; **Тонет* → *в воде железо*.

Это и понятно: предложения со значением постоянных свойств не совместимы с семантикой развертывания картины на глазах у изумленного наблюдателя.

Для анализа интонации предложений с дислокацией ремы обратимся к минимальной паре предложений (15) и (16), где (16) достижимо из (15) путем дислокации ремы.

(15) *Дедушка ↗ посадил репку.*

(16) *Посадил ↗ дедушка репку.*

Дедушка ↗

посадил репку

Посадил ↗ дедушка репку.

Сегментный материал подобран здесь таким образом, чтобы получить наиболее рельефные тонограммы⁵. Графики показывают, что в предложении (15) начало характеризуется типичным акцентом темы ИК-3, который фиксируется на словоформе *дедушка*: на ударный слог [де] приходится подъем частоты основного тона, а на заударные слоги – резкое падение. В предложении же (16) на словоформе *посадил*, которая в соответствии с нашими предположениями служит фрагментом ремы, фиксируется более пологий подъем на ударном слоге [дил] плюс относительно ровные (слабо понижающиеся) заударные вплоть до падения на акцентоносителе ремы словоформе *репку*. ИК-6 в предложениях с дислокацией ремы не отличается повышением длительности, которая наблюдалась в предложениях припоминания и недоумения, которые были рассмотрены в разделе 1 выше.

Заметим, что предложения с дислокацией ремы, которые характеризуются акцентом ИК-6 на препозитивном глаголе, – это не единственный коммуникативный и интонационный тип, который возможен в условиях препозиции глагола. На препозитивном глаголе могут фиксироваться и другие акценты с созданием других коммуникативных и семантических эффектов и соответствующим вкладом в структуру текста. О разнообразии интонационных и семантических типов русских предложений с препозицией глагола см. Янко 2001а.

Наши наблюдения показывают, что предложения с дислокацией ремы, которые были рассмотрены здесь на русском материале, характерны и для других языков, допускающих препозицию глагола, с созданием аналогичного эпического эффекта. Дислокация ремы характерна для древнеисландских саг, венгерских народных сказок, дагестанских хабаров (сказок), латинских текстов исторического содержания.

Мы надеялись показать, что интонация обладает значительным арсеналом средств, позволяющих не только маркировать основные типы речевых актов, таких как сообщение и *да-нет*-вопрос в русском языке, но также и выражать особые когнитивные значения, такие как извлечение информации из памяти, обоснование, создание умозрительного образа фрагмента мира.

⁵ Ввиду того, что параметр частоты основного тона для глухих согласных не определен, на фрагментах тонограммы, соответствующих глухим согласным, образуются лакуны. Следовательно, наиболее информативные графики у тех предложений, где тональные пики приходятся на звонкий сегментный материал. Таким образом, предложение (15) про дедушку, у которого ударный и заударный слоги включают звонкий согласный [д], более наглядно иллюстрируют обсуждаемое явление, чем традиционное предложение (10) из сказки про деда, где на заударные слоги приходится глухой сегментный материал [дет репку], ср.: [дедушкь репку].

Литература

- Баранов А.Н., Кобозева И.М.* (1983) Семантика общих вопросов в русском языке (категория установки) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.42, N7.
- Баринова Г.А.* (1973) Некоторые особенности интонации разговорной речи // Русская разговорная речь. М..
- Брызгунова Е. А.* (1982) Интонация // Русская грамматика. Том 1. М. Наука. С. 96-122.
- Ковтунова И. И.* (1976) Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение.
- Кубрякова Е. С.* (2004) Язык и знание. М.: Языки славянской культуры.
- Николаева Т.М.* (1981) Категориально-грамматическая цельность высказывания и его прагматический аспект // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 40. № 1.
- Николаева Т.М.* (1982) Семантика акцентного выделения. М.: Наука.
- Янко Т.Е.* (1991) Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. N7.
- Янко Т.Е.* (2001) Коммуникативные стратегии русской речи. М., Языки славянской культуры.
- Янко Т.Е.* (2001a) Коммуникативная структура повествовательных предложений с препозицией глагола // Язык и культура. Факты и ценности. М., Языки славянской культуры.
- Янко Т.Е.* (2004) Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. N2. (8).
- Givón T.* (1984): The speech act continuum: an introduction // *Interrogativity: A colloquium on the Grammar, Typology and Pragmatics of Questions in Seven Diverse languages* (= *Typological Studies in Language*, vol. 4, ed.: Chisholm Jr., W.S.). Amsterdam: John Benjamins.
- Sadock J. M., Zwicky A.M.* (1985): *Speech act distinctions in syntax* // *Language Typology and syntactic description*, vol. I: *Clause Structure* (ed.: Shopen, T.). Cambridge University press.
- Lakoff G.* (1987). *Women, fire, and Dangerous things*. Chicago: University of Chicago Press.
- Grønnum N.* (1992) *The groundworks of Danish intonation. An introduction*. Museum Tusulanum Press. University of Copenhagen.
- Lambrecht K.* (1994) *Information structure and sentence form. Topic, focus, and the mental representation of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sasse H.-J.* (1987) *Thethetic/categorical distinction revisited* // *LINGUISTICS* 25/3.
- Sasse H.-J.* (1995) 'Theticity' and VS order: a case study. *Sprachtypologie und Universalienforschung* 48. 1/2.